

ИСТОРИЯ

УДК 94(47)

Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки

A 1685 Letter as One of the Earliest Sources on Ayuka Khan

*В. Т. Теркеев (V. Terkeev)*¹,

*Цонгоол Б. Нацагдорж (Ts.B. Natsagdorj)*²

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста). E-mail: tvt75@mail.com
Ph.D. in History (Candidate of Historical Sciences), Senior Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: tvt75@mail.com

² научный сотрудник, Институт истории и археологии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия). E-mail: natsga@gmail.com
Research Associate, Institute of History and Archaeology, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia). E-mail: natsga@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается одно из ранних письменных свидетельств калмыцкого хана Аюки, которое удалось обнаружить в фонде «Калмыцких дел» Российского государственного архива древних актов. Впервые публикуется перевод и транслитерация документа, а также его история, связанная с приездом калмыцкого посольства в Москву в 1685 г. Содержание письма раскрывает конкретную политическую обстановку на юге России и характер русско-калмыцких отношений в указанный период. Письмо Аюки изложено в традиционном эпистолярном жанре, характерное для дипломатической переписки калмыцкой знати того времени. В письме имеется также красная квадратная печать-тамга Аюки, происхождение которой до сих пор остается не выясненным. Дальнейшее выявление и изучение писем калмыцких ханов и тайшей представляется весьма перспективным направлением монголоведной науки.

Ключевые слова: калмыцкое эпистолярное наследие, калмыцкая письменность, калмыцкая печать, Калмыцкое ханство, Аюка-хан, XVII век.

Abstract. The article considers one of the earliest written sources on Ayuka Khan of the Kalmyks and his relations with the Russian Empire; it was discovered in the Kalmyk Affairs Funds of the Russian State Archive of Ancient Acts. The transcribed and transliterated document as well as its history connected with the 1685 Kalmyk embassy to Moscow — have never been published before. The content of the letter reveals the actual political situation in Southern Russia and the character of Russian-Kalmyk relations during the mentioned period. Ayuka's letter is a perfect sample of the epistolary genre characteristic of the diplomatic correspondence between the Kalmyk noblemen of those days. Ayuka's red square seal (*tamga*) — the origin of which is still unclear — was attached to it. Further discoveries and investigations of letters by Kalmyk Khans and *taishas* (princes) form quite a promising research trend in Mongolian studies.

Keywords: Kalmyk epistolary heritage, Kalmyk script, Kalmyk seal, Kalmyk Khanate, Ayuka Khan, 17th century.

В различных российских архивах и музеях отложились сотни писем, хранящих в себе богатейшую информацию об истории калмыцкого народа в XVII в. В ходе исследования фондов Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА) обнаружено ранее не известное письмо калмыцкого правителя Аюки, датированное 1685 г. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 4]. Документ по содержанию небольшой, но ценность его состоит в том, что это самое раннее из известных писем Аюки на старописьменном калмыцком языке с использованием *тодо бичиг*. Вертикальная монгольская письменность была распространена среди ойратов вплоть до ведения Зая-пандитой усовершенствованного ойратского письма в 1648 г., но при Аюке переписка с правительством велась уже строго на *тодо бичиг*. Первоначально представители центральных и местных органов власти России выступали против отправки к ним от тайшей писем на калмыцком или монгольском языках. Только примерно с конца XVII в. в Посольском приказе и Приказе Казанского дворца, которые ведали «Калмыцкими делами», появился собственный штат специалистов (толмачей) по переводу писем с калмыцкого языка.

Данное письмо было привезено в Москву представителями калмыцкого посольства, которые должны были решить основные

вопросы в русско-калмыцких отношениях. 7 августа калмыцкое представительство, состоявшее из 50 человек во главе с Унутуем-бакши и Ерке-Малаем, прибыло в российскую столицу, а 14 сентября было принято в Кремле. Столь внушительная делегация объяснялась тем, что в состав посольства входили представители не только Аюки и Солом-Церена, но и других тайшей, каждый из которых привез письмо от своего владельца. Конечно, особый интерес для нас представляет содержание письма главного калмыцкого правителя.

Аюка в письме обозначил, что после шерти 1683 г., заключенной в Астрахани, ему выдали жалованье в виде пороха и свинца только за один год, а не за два, как было оговорено ранее. Военные приготовления были связаны с его подготовкой к выступлению весной 1686 г. на реку Амударью, против Хивы и Бухары. На этом основании Аюка просил у Москвы выделить ему 30 пушек с порохом и свинцом, а также 3 тыс. служилых людей, обещая и дальше придерживаться «шерти и договору». Также Аюка просил правительство запретить яицким казакам строительство нового городка между Гурьевым и Казачьим городком, поскольку у калмыков «на том месте бывает кочевье». Свои просьбы он подкреплял тем, что выполнил взятые на себя обязательства. Например, под Астрахань им были возвращены 500 юртовских татар вместе с русскими пленниками, башкиры были отосланы на Уфу. Аюка в свою очередь просил вернуть ему калмыцких пленников, взятых под низовыми городками [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 16–18].

В письмах других тайшей в основном были изложены личные просьбы о том, чтобы им прислали из Москвы в качестве жалованья различного рода вещи. Так, Солом-Церен просил для себя «пищаль на золоте», соболью шубу, черно-бурую лисицу, шатер, «да маятник (компас. — *В. Т.*), что ездят в степи и по морю». Ике-Замса просил выплатить ему жалованье за прошлый год. Бага-Замса запрашивал большой шатер, пищаль и кречета. Мунко-Темир (сын Солом-Церена) — пищаль и кречета. Другой сын Солом-Церена — Черкес — просил для себя не только пищаль и кречета, но и шахматы. Некий Дурул-хан, который указывается послами как тесть Аюки, прислал

в подарок царям коня. Это только неполный перечень тайшей, чьи представители прибыли в российскую столицу. Здесь упоминаются также имена следующих калмыцких владельцев: Назар-Мамута (двоюродного брата Аюки), Гунджаба (сына Аюки), Унжан Чонжи, Алаба (отправил в составе посольства своего сына Еренчина Даржу, чтобы «царские пресветлые очи увидеть»), Чемета, Болби (назвался «братом» Аюки) и других [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 18–25].

В основном просьбы тайшей царскими властями были удовлетворены. Строительство казаками городка на Яике, начавшееся с весны этого года, оказалось незаконным. На просьбу калмыцких послов Софья Алексеевна ввиду дальности расстояния указала в Среднюю Азию не посылать войска, но отправить с калмыками 1 200 яицких казаков с имевшимся у них вооружением [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 63, 67].

Как видим, после заключения шерти 1684 г. и примирения с донскими казаками Аюка всю свою военно-политическую активность направил против государств и народов Средней Азии, а также против некоторых владельцев Северного Кавказа. В это время почти прекратились нападения калмыков на царских подданных, но вместе с тем и их военная служба резко сократилась. Как видно из документов, правительство Софьи Алексеевны почти вдвое сократило жалованье тайшам, что, конечно, резко ухудшило их отношение к царской администрации.

Письмо Аюки изложено в традиционном эпистолярном жанре, характерном для дипломатической переписки калмыцкой знати того времени. По манере изложения оно схоже с аналогичными его письмами XVIII в. Язык сжатый, ясный, точный, с элементами образности, и, несмотря на свою лаконичность, полон правды жизни, динамизма и напряженности. При рассмотрении данного письма можно представить и оригинальный язык, на котором говорили калмыки в XVII в. По содержанию письмо отражает сущность калмыцкого общества конца XVII в., а именно, постоянные войны и конфликты с соседними народами и государствами. В письме име-

ется также красная квадратная печать-тамга Аюки, происхождение которой до сих пор остается не выясненным. По всей вероятности она имеет тибетское происхождение. Это первая печать Аюки, поскольку с 1699 г. в его письмах появляется вторая ханская печать от Далай-ламы. Печати калмыцких ханов и тайшей — особая область исследования, требующая специального изучения.

Транслитерация:

1. ☉ om sayin amuyoulang boltuyai: ende bi ayouke bügüdēr
2. mendü: tende iban eleqsei-üči peter eleqsei-üči bügüdēr
3. mendü: či cayān xan kinas andarai iban-üčigi ayidarxan-du
4. ilgeji či: manā urdakidān adali andayārlal-duji inaq amaraq boluq-
5. tui gebe te: bida zöb gēd andayārlaji inaq amaraq bololai bida:
6. andayāriyin xoyino tandu yurban üye elčīn ilgebe bi: ceriq tou
7. dari xoryolji xoyor jiliyin tengge ayidarxanāsa abuqtui gebe te:
8. ayidarxan mandu ögüqsen ügei: nige jiliyin tengge öqbö: urda
9. köüneldüküdēn ögüdeq nige jiliyin tenggei mani ögüqtüi: ene ügei
mani
10. zöb geküne xabur enöüši-dü mordonoi bida: yurban mingyan
11. kümü yučin tob-toi-gi dari xoryolji ögüqtüi: andayārtān
12. kelel-ceqsen üge mani bei bišü: zai xazaq zayigiyin dorо bal-
13. yasu barinai töüni uuruluqtui: nutuyān bulāji abuqsan xoyino
14. xamtu bayiji čidaxu mani ügei: el bolöd ayidarxan-du tabun
15. zoun xaruuli xariulji öqbö bida oros amiy-gi cuq
16. xariulji öqbö bida: mani nigečigi kümü xariulji ögüqsen
17. te ügei xalimaq amiy mani xariulji ögüqtüi: eš-teqgi xariulji öq-
18. bö bida: elči mini önötöi baqsi bodiyöči majiq bügüdēr yučin
kümün: elči mini morīr xariul:
19. xudaldāčiy-giy mini ongyoco öqči xariul::

Перевод:

Да будет благоденствие. Здесь, я, Аюка, и все мы здоровы. Там Иван Алексеевич и Петр Алексеевич [1], все ли здоровы? Ты, белый хан, отправил князя Андрея Ивановича [2] в Астрахань для того, чтобы мы принесли клятву друг другу [3], как прежде, и установили дружбу. Мы же, посчитав это правильным, принесли клятву и установили

Handwritten text in Cyrillic script, likely a letter or document, written on aged, yellowed paper. The text is arranged in approximately 20 horizontal lines. A prominent red square seal or stamp is visible near the top center of the page. The paper shows signs of wear, including creases and irregular edges.

Письмо калмыцкого хана Аюки. 1685 г.

дружбу. После клятвы я трижды отправлял к вам своих посланцев. Вы сказали, [что мы можем] брать из Астрахани войска, пушки, порох, свинец и деньги за два года. В Астрахани деньги нам [полностью] не выдали, дали только за один год. Выдайте нам остальные деньги за один год, о котором мы договорились прежде. Если посчитаете эти мои слова правильными, мы отправимся весной в поход на Эноуши [4]. Выделите [нам] три тысячи человек с тридцатью пушками с порохом и свинцом. Разве в клятве [об этом] словесно не было обговорено? Яицкие казаки строят вниз по Яику город. Остановите это. После того, как мы отобьем наше кочевье, мы не сможем находиться [с ними] вместе. Установив [с вами] мир, вернули мы в Астрахань пятьсот харулов [5]. Всех русских [пленников] мы вернули. Вы ни одного нашего человека не вернули. Верните наших калмыцких людей. Мы вернули эштеков [6]. Посланцы мои — Унутуй бакши и Бодиочи Маджик, всего тридцать человек. Моих посланцев отправьте назад верхом, а торговцев — на судах.

Комментарии

1. После смерти царя Федора Алексеевича и Стрелецкого бунта в 1682 г. соправителями в Московском государстве стали братья Иван Алексеевич и Петр Алексеевич, а фактической правительницей (регентшей) до их совершеннолетия при них стала сестра Софья Алексеевна.
2. Голицын Андрей Иванович — князь, ближний боярин, астраханский воевода в 1684–1685 гг.
3. *andayārlal-duji* — дословно «покаяться друг другу». Это означает, что не только калмыки шертовали, а обе стороны принимали обязательства. Здесь идет речь о шерти, заключенной 24 января 1684 г. между калмыцкими князьями во главе с Аюкой и астраханским воеводой Голицыным Андреем Ивановичем. Несмотря на взаимные претензии, тайши все-таки согласились шертовать и пойти на определенные уступки. Главными гарантами шерти с калмыцкой стороны были Аюка, Ике-Замса и Солом-Церен, которые шертовали за своих родственников и других тайшей. Жалованье за дачу шерти они получили в размере 600 рублей.
4. *Эноуши*, по всей видимости, это название реки Амударья у калмыков.

5. *xaruul* обычно означает «стража» или «караул», но в русском переводе XVII в. обозначает «юртовских татар».
6. *Эштек (Иштяк)* — устаревший тюркский экзоэтноним, обозначавший «чужестранца», «чужеземца». Употреблялся в Ногайской Орде ногайцами, а в последующем казаками и калмыками для обозначения башкир. Отличительной особенностью шерти 1684 г. от предыдущих было обязательство тайшей в том, что в случае нового прихода к ним в улусы башкирских повстанцев, они были обязаны теперь «к воровству их не соединятца, а присылать их к Москве и в города царского величества» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1683 г. Д. 1. Л. 1–17].

Дальнейшее выявление и изучение писем калмыцких ханов и тайшей должно быть комплексным при участии историков, лингвистов, источниковедов и других специалистов. Таким образом, если учесть, что количество неизвестных калмыцких писем в российских архивах огромно, то их выявление, исследование и сопоставление представляется весьма перспективным направлением монголоведной науки.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 119.